

МЕЛОЧИ ЛИТЕРАТУРНАГО ПРОШЛАГО.

V¹).

Къ вопросу объ источникѣ басни И. А. Крылова: „Прихожанинъ“.

В. Кеневичъ („Библиограф. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова“, 1868 г.) указываетъ слѣдующія предположенія о возможномъ источникѣ басни Крылова: „Прихожанинъ“.

Во-первыхъ, онъ приводитъ указаніе Лонгинова („Русск. Архивъ“, 1866 г. 11 и 12 вып.) на эпиграмму французскаго писателя Баратона († 1725 г.): „Les Pleureurs“, написанную на тотъ же сюжетъ, что и басня Крылова, и оканчивающуюся тою же фразою, какъ и „Прихожанинъ“ нашего баснописца:

Pourquoi pleurerois-je, dit-il,
Je ne suis pas de la paroisse.

На тотъ же сюжетъ есть басня у другого французскаго писателя Лебрена († 1807 г.): „Le Sermon“, которая такъ же оканчивается знакомыми намъ словами:

—Eh pourquoi ne pleures-tu pas?
Dit quelqu'un. —Moi! répond Lucas,
Je ne suis point de la paroisse.

Во-вторыхъ, Кеневичъ извлекаетъ изъ „Русскаго Инвалида“ указаніе Г. А. Маркова („Русск. Инвалидъ“, 1866 г. № 313) на книгу, изданную въ 1778 г., „Отрада въ скупѣ, или книга веселія и раз-

¹) Мелочи литературнаго прошлаго, I—IV, см. Рус. Арх. 1915, № 2.

мышленія“, въ которой есть анекдотъ на сюжетъ басни Крылова, оканчивающійся словами: „Его спросили, для чего онъ не плачетъ. На сіе отвѣчалъ онъ: „Я не здѣшняго прихода“.

Въ-третьихъ, Кеневичъ приводитъ свидѣтельство Лобанова, утверждающаго, что это онъ рассказалъ Крылову данный анекдотъ, который былъ имъ обработанъ и направленъ противъ московскихъ читателей, предпочитавшихъ своего москвича И. И. Дмитріева петербуржцу Крылову.

Наконецъ, Кеневичъ вспоминаетъ еще одинъ литературный фактъ, о которомъ говоритъ Булгаринъ въ „Воспоминаніяхъ объ И. А. Крыловѣ“. Начавши полемику въ „Литературныхъ листкахъ“ (1823) за Крылова противъ кн. П. А. Вяземскаго, который въ „Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“ (1823 г.) оцѣнилъ послѣдняго выше Крылова, Булгаринъ раздражилъ арзамасцевъ, отвѣчавшихъ ему эпиграммами и сатирами. По этому поводу Крыловъ сказалъ Булгарину: „Напрасно ты за меня поссорился и раздражилъ сильныхъ словесниковъ: мнѣ, право, это больно“.—„Богъ милостивъ, отвѣчалъ Булгаринъ, хоть и укусятъ, а не съѣдятъ“.—„А все же, замѣтилъ Крыловъ, тебѣ нельзя жить долѣе въ этомъ приходѣ“. И вотъ, черезъ нѣсколько дней на вечерѣ у А. Н. Оленина Крыловъ прочиталъ своего „Прихожанина“.

Личный смыслъ, который придавалъ Крыловъ своей баснѣ, не исключаетъ, конечно, заимствованія ея содержанія. Но нужно ли за поисками послѣдняго отправляться такъ далеко: въ область третьестепенной французской литературы XVIII вѣка и еще болѣе того—невѣдомыхъ русскихъ книгъ того же столѣтія. Факты, приводимые Лонгиновымъ и Марковымъ, показываетъ только одно, что сюжетъ „Прихожанина“ принадлежитъ къ ходячимъ анекдотамъ, въ родѣ тѣхъ, которые попали въ „Великое Зерцало“, „Письмовникъ“ Курганова и проч. сборники. Но вѣроятно ли предположеніе, что Крылову стали доступны именно указанные выше малонизвѣстные факты? Историки литературы, любящіе возводить тѣ или инныя произведенія русскихъ писателей къ иностраннымъ образцамъ, очень рѣдко заботятся о томъ чтобы доказать, что данный писатель непременно читалъ сочиненія иностраннаго писателя, съ которыми сопоставляются его произведенія. У Баратона и Лебрена имѣются басни на сюжетъ „Прихожанинъ“, но гдѣ доказательства, что Крыловъ читалъ ихъ французскія басни? Не найдешь доказательствъ и того, что, Крыловъ зналъ книгу „Отрада

въ скукѣ“, о которой Кеневичъ заявляетъ, что онъ не могъ даже найти ея.

Басня „Прихожанинъ“ появилась въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ бар. А. А. Дельвига и О. М. Сомова въ 1825 году. Но написана она, надо полагать, за два года передъ тѣмъ, именно въ 1823 году, когда кн. Вяземскій сравнивалъ Крылова съ Дмитриевымъ, и Булгаринъ полемизировалъ съ нимъ за баснописца.

Въ томъ же 1823 году анекдотъ о человѣкѣ иного прихода былъ напечатанъ на страницахъ только что возникшаго „Дамскаго Журнала“ князя П. И. Шаликова. Новое изданіе „птички пѣвчей“, какъ называлъ Шаликова Воейковъ, было встрѣчено недружелюбно „Вѣстникомъ Европы“ М. Т. Каченовскаго.

Журналъ послѣдняго сталъ придираться къ „Дамскому Журналу“ прежде всего за самую цѣль изданія распространять парижскія моды, (впослѣдствіи этимъ занимался даже серьезный „Московскій Телеграфъ“ Н. А. Полевого¹). Шаликовъ же доказывалъ „необходимость модъ въ столицѣ, когда и самыя дикіе народы имѣютъ свои моды; когда не только дамы, но и кавалеры наши, но и военные люди занимаются щегольствомъ“. (Д. Ж. 1823 г., № 3, Апр., „Къ читательницамъ Русскаго Дамскаго Журнала“, 120—122). Затѣмъ, „Вѣстникъ Европы“ совершенно правильно и научно основательно возсталъ противъ ореографіи „Дамскаго Журнала“, писавшаго *русскій и искусство*. Но это „дамское“ правописаніе взялъ подъ свою защиту князь Вяземскій, доказывавшій правильность его съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ ссылка на дикарей и франтящихъ кавалеровъ доказывала необходимость распространять парижскія моды. Высмѣивая „Вѣстникъ Европы“ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о буквѣ С“ (Д. Ж. 1823 г. № 5, 204—207), онъ подтверждаетъ правильность приведенныхъ выше написаній ссылкой на Словарь Памвы Берынды и на то, что такъ пишутъ „всѣ наши грамотные писатели“.

Такимъ образомъ „Вѣстникъ Европы“ и „Дамскій Журналъ“ старались уколоть одинъ другого.

Въ томъ же 1823 году „Дамскому Журналу“ представился случай самому сразить своего недруга, по поводу второго письма „Къ Лужницкому Старцу“ М. П. Погодина, появившемуся въ „Вѣстникѣ Европы“ (1823 г., мартъ—апрѣль, 151—153).

Подъ псевдонимомъ „Лужницкій Старецъ“ печатались ранѣе въ этомъ журналѣ статьи трехъ авторовъ: М. В. Каченовскаго. М. П. Погодина и П. Я. Яковлева.¹⁾ Въ своихъ письмахъ „Къ Лужницкому Старцу“ Погодинъ обличалъ иностранщину въ русскомъ обществѣ. Въ частности, второе письмо было написано по поводу сообщенія Гамбургскаго Корреспондента о пожертвованіи Демидовымъ 30000 скудій, т. е. 150000 рублей въ пользу римскихъ бѣдняковъ. Погодинъ возмущался тѣмъ, что „мимо Святой Руси разсыпаются сокровища“: „Добро дѣлать, говоритъ онъ далѣе, должно всѣмъ: Французъ, Готтентотъ, Японецъ страдаетъ, облегчить по возможности участь страдальца—долгъ всякаго добраго человѣка; но на пожертвованіе столь огромное имѣеть первое, священнѣйшее для всякаго право отечество... 150000 рублей, облитыхъ русскимъ потомъ, отдать Италіянскимъ лазаронамъ—это ни на что не походить“.²⁾

Справедливый гнѣвъ Погодина вызвалъ насмѣшливую статью въ „Дамскомъ Журналѣ“ подъ заглавіемъ „Новое напоминаніе о старомъ анекдотѣ, или Лужницкій Старецъ“ (Д. Ж. 1823 г., № 6, май, 242—243), которая, повидимому, осталась неизвѣстной біографу Погодина Н. П. Барсукову, такъ какъ о ней онъ ничего не говоритъ.

Приводимъ эту небольшую статью.

„Величайшій моралистъ и патріотъ нашего времени, Лужницкій Старецъ, въ безпредѣльной ревности своей ко благу отечества, столь часто воспламеняемый сими двумя качествами, сильно негодуетъ, посредствомъ всегдашняго своего органа, Вѣстника Европы, на одного Россіянина, раздавшаго нищимъ въ Римѣ 150000 рублей—для чего не въ Россіи, для чего не въ Лужникахъ?—Но онъ въ Италіи, но онъ не одинъ изъ Русскихъ въ чужихъ краяхъ, не одинъ изъ такихъ богачей, которые могутъ, нимало не разстраивая себя, каждый годъ или два раза въ годъ давать по 150000 рублей бѣднымъ.—„Но сіи бѣдные чужестранцы, лазароны?“—Поэтому, переѣхавши за границу, не должно подавать милостыню нищимъ? Кто же согласится съ такою моралью, съ такимъ патріотизмомъ? Несчастный, гдѣ бы и подъ какимъ именемъ ни былъ, равно трогаеть сердце, которое не окаменѣло—отъ какого-либо безмѣрнаго энтузіазма.

¹⁾ В. С. Карцевъ и Н. П. Мазеевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. 1891 г., стр. 76.

²⁾ Эта статья Погодина приводится Барсуковымъ. „Жизнь и труды Погодина“, I, 224—235.

Энтузіазмъ Лужницкаго Старца напомнилъ мнѣ о слѣдующемъ анекдотѣ.

Проповѣдникъ въ церкви говорилъ поученіе столь убѣдительное, что извлекъ слезы у своихъ слушателей. Одинъ изъ нихъ оставался съ сухими глазами,—„Какъ ты можешь не плакать?“—спросили у него.—„Я не этого прихода“,—отвѣчалъ онъ.“

Авторъ въ заглавіи статьи называетъ этотъ анекдотъ „старымъ“. Это указываетъ на то, что онъ уже давно обращался среди общества. Можетъ быть, въ русскую среду онъ проникъ и изъ Баратона или Лебрена, но авторъ статьи (вѣроятно, самъ князь Шаликовъ) узналъ то, видимо, его въ устной передачѣ, иначе врядъ ли, при обычной въ литературѣ любви къ ссылкамъ на авторовъ, особенно въ то время французскихъ, не указалъ бы для большей силы своей морали на французскаго писателя, изъ котораго приведенъ данный анекдотъ.

И отсюда, изъ „Дамскаго Журнала“ Крыловъ скорѣе всего могъ позаимствовать сюжетъ „Прихожанина“, такъ какъ анекдотъ появился въ немъ именно въ 1823 году, когда кн. Вяземскимъ было затронуто самолюбіе Крылова.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что Крыловъ читалъ „Дамскій Журналъ“, въ которомъ участвовали близкіе ему по „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ Шишковъ и Хвостовъ, и который былъ близокъ по характеру своихъ статей къ старомоднымъ литературнымъ вкусамъ тогда уже „дѣдушки“ Крылова.

Тургеневскій „благотребный старецъ“ Ксандрыка.

Литературныя изученія Тургеневскаго „Рудина“ выяснили историчность не только такихъ крупныхъ образовъ, какъ Рудинъ и Покорскій (Бакунинъ и Станкевичъ), но даже мелькомъ упоминаемыхъ членовъ кружка Покорскаго—„взъерошеннаго поэта Субботина“ и „веселаго Щитова, Аристофана сходокъ“. Первый, по основательному толкованію Н. Л. Бродскаго*),—Василій Ивановичъ Красовъ, „истый романистъ, всегда горящій воодушевленіемъ, восторгомъ“, второй—Иванъ Петровичъ Ключниковъ.—„Кто, какъ не Ключниковъ, гово-

*) „Поэты кружка Станкевича“, Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XVII, 1912 г., кн. 4.

ригъ Н. Л. Бродскій, былъ иногда въ кружкѣ насмѣшливымъ Аристофаномъ, Мефистофелемъ по выраженію Анненкова? Взъерошенный, „полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ“ Субботинъ, конечно, не кто иной, какъ Красовъ, эксцентричная натура котораго дала Тургеневу полное право охарактеризовать его подробнымъ образомъ. Самыя фамиліи, приведенныя въ романѣ—Щитовъ и Субботинъ—напоминаютъ нашихъ поэтовъ: Щитовъ близокъ къ псевдониму Ключникова— Θ —(Θ итовъ?), Субботинъ—прозрачный намекъ на духовное происхожденіе Красова“.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы подъ именами Щитова и Субботина, не являющихся даже эпизодическими лицами, а только мимоходомъ упоминаемыхъ въ романѣ, не скрывались дѣйствительные люди, съ которыми у художника связывались опредѣленныя представленія, какой бы внутренней художественный для самого Тургенева смыслъ былъ бы упоминать ихъ? Читателю, надо сказать, они ничего не даютъ, не помогаютъ нисколько выясненію личности Рудина или эпохи,—и въ этомъ художественный недостатокъ приѣма Тургенева вводитъ въ разговоръ одни имена, съ ничего не говорящими представленіямъ читателя эпитетами. Для читателя это только пятна, но не образы. Однако, если Тургеневъ вводилъ ихъ, то для него самого это были яркіе образы живыхъ людей?

Есть еще одно мѣсто въ „Рудинѣ“ такого же художественнаго происхожденія и столь же темное въ художественномъ смыслѣ.

Живущій у Дарьи Михайловны Ласунской молодой человѣкъ Пандалевскій, восхваляя познанія въ русскомъ языкѣ своей покровительницы, въ разговорѣ съ Александрой Павловной Липиной, говоритъ: „Благодѣтель мой, проживающій въ Одессѣ благопотребный старецъ Роксоланъ Медіаровичъ Ксандрыка.... Вамъ, навѣрное, извѣстно имя этой особы?“—„Нисколько, и не слыхивала..“—„Не слыхивали о такомъ мужѣ? Удивительно! Я хотѣлъ сказать, что и Роксоланъ Медіаровичъ очень былъ всегда высокаго мнѣнія о познаніяхъ Дарьи Михайловны въ російскомъ языкѣ“.

Больше имя Ксандрыки въ романѣ не упоминается.

Что говоритъ читателю это имя, съ эпитетомъ „благопотребный старецъ?“ По крайней мѣрѣ, нынѣшнему читателю ничего, но, повидимому, Тургеневъ полагалъ, что нѣкоторымъ изъ его современниковъ это имя, съ приведеннымъ эпитетомъ, кое-что скажетъ.

Кого же онъ имѣлъ въ виду подъ именемъ Ксандрыки?

Романъ „Рудинъ“ былъ писанъ Тургеневымъ лѣтомъ 1855 года. За годъ до того, 13 іюня 1854 года скончался когда-то участникъ Вѣнскаго конгресса, дѣятель Александровскаго царствованія, вооружавшійся противъ тогдашняго европейскаго просвѣщенія, центрами котораго были германскіе университеты религіозно-нравственный писатель, молдаванинъ по происхожденію, Александръ Скарлатовичъ Стурдза.

Значительную часть своей жизни Стурдза прожилъ въ Одессѣ, гдѣ писалъ и издавалъ такія сочиненія, какъ „Вѣра и вѣдѣніе, или разсужденіе о необходимомъ согласіи между богооткровенной религіей и наукой въ дѣлѣ преподаванія въ народныхъ школахъ“, „Очеркъ христіанской жизни и смерти“, „Письма о должностяхъ священнаго сана“, „Ручная книга православнаго христіанина“ и проч.

Извѣщенія о смерти Стурдзы появились въ „Москвитянинѣ“ Погодина и „Сѣверной Пчелѣ“. Первый писалъ: „Изъ Одессы сообщаютъ о кончинѣ одного изъ тамошнихъ почетнѣйшихъ согражданъ знаменитаго въ Европѣ (за исключеніемъ редакцій Петербургскихъ журналовъ) своими литературными трудами Александра Скарлатовича Стурдзы“ („Москвитянинъ“, 1854, т. IV, отд. V, стр. 144).

Въ слѣдующемъ 1855 году „Москвитянинъ“ снова напомнилъ о Стурдзѣ, перепечатавъ изъ „Одесскаго Вѣстника“ „Краткое свѣдѣніе о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы“ („Москв.“ 1855, т. I, № 4). Статья эта написана слащаво—умилительнымъ слогомъ, отзывающимся вліяніемъ схоластической гомилетики: „Въ 1806 году *благовоститанный юноша* Александръ Стурдза поступилъ на службу...“—„Кстати и *благоприлично* здѣсь привести одинъ примѣръ тогдашняго его мышленія...“—„*Старець* признавался дочери: „Ахъ, на закатѣ жизни трудно чело-вѣческому уму обитать въ развалинахъ тѣла!“ И однакоже вѣчно юный умъ и соображеніе *старца* теплились и сіяли въ дряхлѣющемъ тѣлѣ“.

Врядъ ли не подъ вліяніемъ этой статьи съ ея извѣтіями словесъ, въ родѣ подчеркнутаго у Тургенева, явился эпитетъ „благопотребный старецъ“. Указаніе на мѣстожителство Ксандрыки въ Одессѣ является біографическою чертою для Стурдзы.

„Благопотребный старецъ“ Ксандрыка былъ для Тургенева предметомъ насмѣшки. Упомянутое о немъ въ „Рудинѣ“ отражаетъ не

только отношеніе къ Стурдзѣ автора, но вообще тогдашнихъ литературныхъ круговъ не официальнаго направленія. Помимо того, что борьба Стурдзы съ европейскимъ просвѣщеніемъ находила опредѣленное отношеніе среди людей того же образа мысли, къ которому принадлежалъ Тургеневъ, бралась подъ подозрѣніе самая его религіозность. Въ „Запискахъ неизвѣстной“ (Драмусовой) въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1881, ноябрь, 245—246) говорится, что людей высоко религіозныхъ, любящихъ бесѣды духовныя, стремящихся сдѣлать что-нибудь доброе и полезное, часто называютъ лицемѣрами и халжами. Стурдза также имѣлъ много недоброжелателей, и часто приходилось слышать объ немъ неблагоклонные отзывы“. Именно такое „неблагоклонное“ отношеніе къ Стурдзѣ выразилъ Тургеневъ въ діалогѣ Пандалевскаго и Липиной.

Прежде всего, Тургеневъ этимъ діалогомъ сказалъ, что такихъ дѣятелей, какъ Стурдза, въ противоположность утвержденію „Москвитянина“, въ Россіи не знаютъ: Липина и „не слыхивала“ его имени.

Затѣмъ, изображая Пандалевскаго, Тургеневъ указалъ, что атмосфера лицъ, подобныхъ Стурдзѣ, есть атмосфера лицемѣрія, что въ дѣйствительности относили къ Стурдзѣ. Пандалевскій называетъ Ксандрыку—Стурдзу своимъ „благодѣтелемъ“: онъ принадлежитъ къ окружающему „благопотребнаго старца“ обществу; и отличительная черта Пандалевскаго—лицемѣріе. Когда онъ разстался съ Липиной,—„съ лица его тотчасъ исчезла вся сладость: самоувѣренное, почти суровое выраженіе появилось на немъ. Даже походка измѣнилась: онъ теперь и шагаль шире, и наступалъ тяжелѣе. Онъ прошелъ версты двѣ, развязно помахивая палочкой и вдругъ опять осклабился: онъ увидѣлъ возлѣ дороги молодую довольно смазливую крестьянскую дѣвушку...“ Ухаживаніямъ за нею Пандалевскому помѣшалъ Басистовъ; студентъ—идеалистъ, „который всей душой ненавидѣлъ Пандалевскаго“. Ранѣе Тургеневъ говоритъ, что Пандалевскій „былъ втайнѣ счастливолюбивъ“.

Упомянутое о Ксандрыкѣ—Стурдзѣ имѣетъ художественное значеніе и для освѣщенія личности Рудина, изображеніе котораго вначалѣ ведется Тургеневымъ почти исключительно въ тонѣ прони. Рудинъ, говорящій передъ Ласунской „о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще“. изоцряется въ

краснорѣчїи на эти темы передъ лицомъ, принадлежащимъ къ кругу Стурдзы, который за свое сочиненіе „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“ (1818 г.), направленное противъ германскихъ университетовъ, былъ даже вызванъ на дуэль студентомъ графомъ Бухгольцомъ. Но Рудинъ такъ далекъ отъ дѣйствительности, что во всемъ этомъ не разбирается.

Вл. Даниловъ.

